

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Е.А. ФРОЛОВА
Москва

«Тихая лирика» Николая Рубцова (Лингвостилистический анализ стихотворения «Русский огонек»)

В статье рассматриваются языковые средства, помогающие читателю постичь авторский замысел стихотворения.

Ключевые слова: *компаратив; антитеза; оксюморон; анафора; рефрен; ассоциативный ряд; фигура умолчания.*

Литературный критик Ю. Селезнев, говоря о поэзии Н. Рубцова, заметил: «Мало кому из поэтов не мечталось сказать о себе столь просто, убежденно и столь пророчески: “Я буду жить в своем народе”. Сказать не в поэтическом запале, но всем складом и духом своего творчества» [Селезнев 2008].

Николай Рубцов (1936–1971) – продолжатель поэзии А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, И.А. Бунина, С.А. Есенина. Его стихи не предназначались для чтения на эстраде и стадионах, где надо кричать и скандировать. Стихи Н. Рубцова обращены к душе человеческой. В них нашли отражение глубокая любовь и подлинный интерес к русской природе («У сгнившей лесной избушки...»), «Природа», «В старом парке» и др.) и русской деревне («Листья осенние», «Зимняя песня», «Тихая моя Родина» и др.), которые в его поэзии неразрывно связаны между собой:

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!

Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь. («Зимняя песня»)*.

Скиталец по жизни (рано остался без родителей, воспитывался в детском доме) и по натуре (служил на флоте, жил в Вологде, на Алтае, в Москве, Ленинграде), поэт постоянно искал кров, где может найти приют и уют вечно ищущая душа. Этим поискам посвящено стихотворение Н. Рубцова «Русский огонек» (1965):

Погружены
в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели.
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем мертвом поле!
Вдруг тихий свет (пригрезившийся, что ли?)
Мелькнул в пустыне,
как сторожевой...

Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу (последняя надежда!),
И услышал, отряхивая снег:
– Вот печь для вас и теплая одежда... –
Потом хозяйка слушала меня.

*Фролова Елена Александровна, кандидат филол. наук, доцент МПГУ.
E-mail: frojlen@yandex.ru*

* Тексты цит. по: Рубцов Н. Звезда полей: Стихотворения. – СПб., 2014.

Но в тусклом взгляде
 Жизни было мало,
 И, неподвижно сидя у огня,
 Она совсем, казалось, задремала...
 Как много желтых снимков на Руси
 В такой простой и бережной оправе!
 И вдруг открылся мне
 И поразил
 Сиротский смысл семейных фотографий.
 Огнем, враждой
 Земля полным-полна,
 И близких всех душа не позабудет...
 – Скажи, родимый,
 Будет ли война? –
 И я сказал: – Наверное, не будет.
 – Дай бог, дай бог...
 Ведь всем не угодишь,
 А от раздора пользы не прибудет... –
 И вдруг опять:
 – Не будет, говоришь?
 – Нет, – говорю, – наверное, не будет.
 – Дай бог, дай бог...
 И долго на меня
 Она смотрела, как глухонемая,
 И, головы седой не поднимая,
 Опять сидела тихо у огня.
 Что снилось ей?
 Весь этот белый свет,
 Быть может, встал пред нею в то мгновение?
 Но я глухим брэнчанием монет
 Прервал ее старинные виденья...
 – Господь с тобой! Мы денег не берем!
 – Что ж, – говорю, – желаю вам здоровья!
 За все добро расплатимся добром,
 За всю любовь расплатимся любовью...
 Спасибо, скромный русский огонек,
 За то, что ты в предчувствии тревожном
 Горишь для тех, кто в поле бездорожном
 От всех друзей отчаянно далек,
 За то, что, с доброй верою дружа,
 Среди тревог великих и разбоя
 Горишь, горишь, как добрая душа,
 Горишь во мгле – и нет тебе покоя...

Название стихотворения и его заключительные строки порождают двойной ассоциативный ряд: заглавие соотносится с известной песней М. Исаковского «Огонек», а финал – с романсом «Гори, гори, моя звезда...» (сл. В. Чуевского, муз. Булахова). Занимая ключевую позицию в тексте стихотворения, название передает замысел автора. Закономерное сопоставление с произведением М. Исаковского позволяет провести параллели: огонек – дом, тепло, уют. Определение-

эпитет *русский* добавляет сему ‘родной’, такой, где тебя всегда ждут. Суффикс субъективной оценки *-ёк* также характеризуется двойственной семантикой: с одной стороны, огонек – это что-то маленькое, слабое, требующее охраны, нуждающееся в защите; с другой – что-то бесконечно дорогое человеку, ведущее его к свету, добру и дарящее надежду. Параллелизм синтаксических конструкций и повтор глагольных форм в заключительных строках стихотворения Н. Рубцова и популярного романа дают возможность рассматривать строки Рубцова как естественное продолжение императива-мольбы. Происходит расширение временного пространства, обуславливающее метафорическое преобразование номинаций. На базе прямого сопоставления огня с душой (*Горишь, горишь, как русская душа*) происходит образное слияние огня-души (*Горишь во мгле – и нет тебе покоя...*); ср. устойчивые обороты *покой души, душевный покой* и т.п.

Текст стихотворения «Русский огонек» распадается на три части: в первой поэт представляет нам одинокого странника в безлюдной глуши; во второй рисует картину встречи лирического героя с русской женщиной – хранительницей домашнего очага; в третьей рассуждает о смысле человеческого существования.

Лирический герой стихотворения (как, впрочем, и всего творчества Н. Рубцова) – путник, затерянный во времени и пространстве. Он один «в бескрайнем мертвом поле». Традиционная лексема *поле*, усиленная эпитетами, рисующими картину безжизненного пространства, передает внешнюю реальность. Однако в нее врывается внутреннее состояние героя, созвучное миру природы: темнота, глушь и оцепенение окружающего мира отражают душевный мир странника, уставшего от скитаний (не случайно мороз *томительный!*). Как в природе все мрачно, ждалось и застыло от холода (*Оцепенели маленькие ели, / И было небо темное, без звезд*), так и в душе лирического героя поселились одиночество и страх. Но поэт противопоставляет путника мертвому безмолвию. По словам героя,

он был *один живой*. Рефрен усиливает утверждение, выделяя контраст «мертвый – живой», на котором построено все стихотворение.

На фоне застывшего пространства (статика достигается за счет повтора глагола *оцепенели*), для обозначения которого поэт использует лексему *пустыня*, появляется *тихий свет* как символ надежды. Эта надежда призрачна, ведь свет только *мелькнул*, он кажется путнику *пригрезившимся*. Но автор возвращает лирического героя из нереальности в действительность. Компаратив *как сторожевой* выделяет символические семы в значении лексемы *огонь* – это оружие в борьбе за выживание человека и одновременно домашний очаг (не случайно свет *тихий*), в котором так нуждается заблудшая душа.

С помощью многоточия поэт неоднократно прибегает к фигуре умолчания, тем самым расширяя смысловую палитру стихотворного текста и позволяя читателю самостоятельно домыслить недосказанное. Так, многоточие в конце первой части стихотворения дает возможность поэту объединить в эмоциональном состоянии лирического героя неуверенность и надежду. Сравнение в составе предиката (*Я был совсем как снежный человек*) и вставная конструкция (*последняя надежда!*) подчеркивают изолированность, отчужденность героя от мира людей и его тягу к человеческому теплу. Неоднократное использование бытийного глагола в формах прошедшего времени (*было, был*) не только является средством композиционного членения стихотворения, но и выделяет этапы в жизни лирического героя. Интересно в этом отношении графическое оформление первой части текста: разрыв первой и последней строк «играет» на усиление содержательной стороны стихотворения в целом. Краткое страдательное причастие *погружены* «обрывается» – разрывается связь между людьми; отделяется компаратив *как сторожевой* – восстанавливается их духовная близость, поскольку огонь – своеобразная «охранная грамота» общности душ человеческих (ср. метафорическое выражение *огонь души*).

Вторая часть текста – рассказ странника, – в которой индивидуальное перерастает в общечеловеческое, личные впечатления порождают философские обобщения. Появляется «берегиня» русского огонька, русской души. Автор не дает подробного описания внешности героини, у нее нет имени, потому что она собирательный образ русской женщины, на долю которой выпало немало страданий. Отсюда и *тусклый* взгляд, в котором жизни мало. Поэт поднимает тему сиротства, столь важную лично для него:

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне
И поразил
Сиротский смысл семейных фотографий...

Прием типизации героини позволяет читателю увидеть бесчисленное множество русских женщин, состарившихся среди семейных снимков («возраст» фотокарточек передан цветовым эпитетом *желтые*, в котором актуализирована темпоральная сема). Их счастье закончилось в сороковые годы, когда война и похоронки оборвали веру, надежду, любовь. Заключительная строка отрывка построена на антитезе, переходящей в оксюморон (*сиротский – семейных*). Героиня стихотворения продолжает жить воспоминаниями о прошлой жизни (*старинные виденья*), и больше всего ее тревожит вопрос: «Будет ли война?».

Художественное пространство расширяется, выходя за пределы крестьянской избы и достигая вселенских масштабов:

...Огнем, враждой
Земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...

Потеряв родных, простая русская женщина лучше других понимает весь ужас и бессмысленность кровопролития. Н. Рубцов вводит в текст стихотворения диалоговую форму, чтобы передать своеобразие речи человека из народа. Отсюда и междометные формы «– Дай бог, дай бог...», звучащие рефреном и образующие кольцевую композицию строфы. Замена официально-вежливого *вас* на близко родственное *ты* (использование в качестве

предикатов односоставных определенно-личных предложений глагольных форм 2-го лица ед. числа) и введение обращения *родимый* свидетельствуют о том, что хозяйка приняла гостя и он стал для нее своим (происходит сближение человеческих душ).

Лирический герой, пришедший из мира, полного огня и вражды, не может дать однозначного, уверенного ответа на вопрос хозяйки. Теперь пространственно-временное расширение происходит в сознании героини стихотворения:

Что снилось ей?
Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?

Смещению пространственно-временных пластов способствует ритмический рисунок стихотворения. Оно написано разностопным ямбом (трехстопный сочетается с пятистопным) с включением стоп пиррихия, мужская рифма соседствует с женской, парная рифмовка сменяется перекрестной. Ритмическое многоголосье позволяет услышать не только частный диалог, но и внутренний голос лирического героя, перерастающий в философские размышления автора.

Герой возвращает хозяйку к действительности *бренчаньем монет*. Но гостеприимство русской души нельзя оплачивать деньгами (не случайно бренчанье монет *глухое*), а введение обобщающего местоимения *мы* (*Мы денег не берем!*) объединяет всех, кто готов бескорыстно

помогать нуждающимся. И устами лирического героя поэт формулирует главную заповедь русской души:

За все добро расплатимся добром!
За всю любовь расплатимся любовью...

Вновь появляется фигура умолчания. Многозначие здесь оказывается актуализатором содержания, средством, заставляющим читателя остановиться и задуматься над смыслом сказанного. Этому способствуют и синтаксический параллелизм в построении кульминации стихотворного текста, а также прием анафоры.

Заключительная часть стихотворения представляет собой своеобразный вывод, подчеркивающий основную мысль текста. Лирический герой, выражая позицию автора, благодарит русский огонек за готовность помочь одиноким и отчаявшимся, за способность согреть человеческую душу. Вновь актуализируется метафорическая сема огонь – душа: огонь – символ жизни; душа жива, пока способна «гореть», т.е. чувствовать и сопереживать. Н. Рубцов уверен: пока жива человеческая душа, будет гореть русский огонек – главная нравственная ценность на Земле.

ЛИТЕРАТУРА

Рубцов Н. Звезда полей: Стихотворения. – СПб., 2014.

Селезнев Ю. Перед дорогой большою // Николай Рубцов в воспоминаниях друзей: ранее не опубликованные стихотворения и материалы. – М., 2008.